



ГВАРДИЯ.
КОД СКОБЕЛЕВА



Председатель Международной общественной организации «Скобелевский комитет» дважды Герой Советского Союза летчик-космонавт Алексей Леонов:

— История Скобелевского комитета началась еще в 1904 году, после начала русско-японской войны. С инициативой выступила сестра генерала Скобелева княгиня Надежда Дмитриевна Белосельская-Белозерская. Первоначальное название организации — «Комитет имени генерал-адъютанта М. Д. Скобелева для выдачи пособий потерявшим на войне способность к труду воинам». Собственно, из названия понятна и миссия. Но довольно быстро область деятельности расширилась. У комитета появился свой военно-кинематографический отдел и издательский отдел. Выпускались художественные и документальные фильмы, открытки патриотического содержания, которые продавались за копейки, а вырученные средства шли на благотворительные цели. В 1918 году комитет ликвидировали.

Восстановить его удалось в 1995 году. Первая большая задача, которую мы поставили перед собой — вернуть Москве памятник выдающемуся сыну России. Идея не всем пришла по душе. Кому только и какие только монументы не ставили за последние десятилетия? А бронзовый Скобелев смог поднять своего жеребца над Москвой только в 2014-м. Вторая крупная задача — восстановление усадьбы Михаила Дмитриевича в селе Заборово в Рязанской области. Медленно, но верно Скобелевский комитет, вместе с правительством области и руководством Александро-Невского района, идет к этой цели. И многое уже сделано. Музею-усадьбе «Мемориальный комплекс М.Д.Скобелева» уже есть что показать и есть чем гордится.

Общество ревнителей истории русской гвардии
Председатель Георгий Вилинбахов

При подготовке издания были использованы: брошюра Сергея Маркова «Памяти М.Д. Скобелева»,
исследование Владимира Чурова «Награды Белого генерала» и фотографии Андрея Семашко.

Особая благодарность выражается члену Президиума международного Скобелевского комитета Александру Кирилину,
АНО «Общество ревнителей истории русской гвардии».



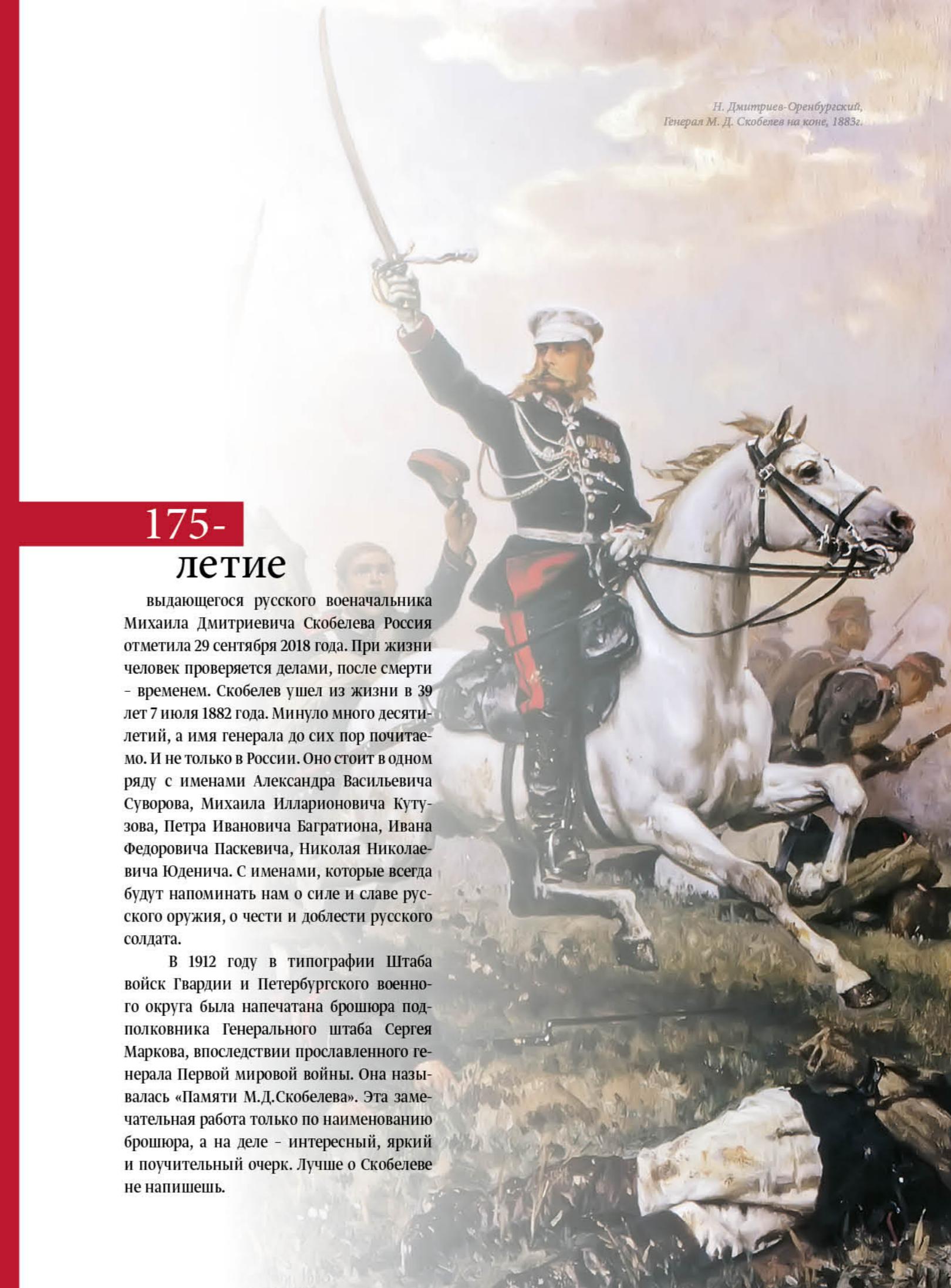
Генерал Адъютантъ Скобелевъ

175- летие

выдающегося русского военачальника Михаила Дмитриевича Скобелева Россия отметила 29 сентября 2018 года. При жизни человек проверяется делами, после смерти – временем. Скобелев ушел из жизни в 39 лет 7 июля 1882 года. Минуло много десятилетий, а имя генерала до сих пор почитаемо. И не только в России. Оно стоит в одном ряду с именами Александра Васильевича Суворова, Михаила Илларионовича Кутузова, Петра Ивановича Багратиона, Ивана Федоровича Паскевича, Николая Николаевича Юденича. С именами, которые всегда будут напоминать нам о силе и славе русского оружия, о чести и доблести русского солдата.

В 1912 году в типографии Штаба войск Гвардии и Петербургского военного округа была напечатана брошюра подполковника Генерального штаба Сергея Маркова, впоследствии прославленного генерала Первой мировой войны. Она называлась «Памяти М.Д.Скобелева». Эта замечательная работа только по наименованию брошюра, а на деле – интересный, яркий и поучительный очерк. Лучше о Скобелеве не напишешь.

Н. Дмитриев-Оренбургский,
Генерал М. Д. Скобелев на коне, 1883г.





Михаил Скобелев в детстве



Дмитрий Иванович Скобелев,
отец М.Д. Скобелева



Ольга Николаевна Скоболева,
мать М.Д. Скобелева



Иван Никитич Скобелев,
дед М.Д. Скобелева

17 сентября 1843 года

17 сентября 1843 года (все даты даны по старому стилю – прим. ред.) в Петербурге родился Михаил Дмитриевич Скобелев. Прошло 34–35 лет, и имя его стало известно во всех уголках нашей обширной Родины. «Белый генерал» сделался народным героем, его портрет, рассказы о нем – и правдивые и легендарные – проникли и в крестьянскую избу, и в нарядную гостиную, привив к себе общие симпатии, больше – общее поклонение. Минуло еще четыре года, и Скобелева не стало. Стоит хоть бегло познакомиться с прессой 1882 года – года смерти Михаила Дмитриевича, – чтобы увидеть и понять, что эта смерть вызвала народное горе у нас, взволновала все слои общества и, охватив Россию, нашла тот или иной отклик за границей. В 39 лет был пройден жизненный путь, но как пройден... Генерал-адъютант, генерал от инfanterии, кавалер ордена Святого Георгия 4, 3 и 2-й степеней, кумир армии, народный герой – вот результат короткой, как метеор промелькнувшей, жизни.

Пожалуй, лучшую оценку значения Скобелева для России вообще, а для всего славянства в частности, дали после его смерти враждебные Михаилу Дмитриевичу иностранные газеты. «Borsen-Courier» между прочим

напечатала следующее: «Ну и этот теперь не опасен... Пусть панслависты и русские славянисты плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства сожаления не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слово к делу».

Своей родословной Скобелев придавал малое значение, считая, что высокое происхождение никогда никого не делало великим. Есть основание предполагать, что род Скобелевых ведет свое начало от шотландских эмигрантов, переселившихся в Россию под фамилией Скобей. Но гораздо любопытнее, чем исследовать родословную, познакомиться с тем, что унаследовал Михаил Дмитриевич от своих ближайших родственников. В наставлении к своему сыну Скобелев-дед писал: «Советую не забывать, что ты не более как сын русского солдата и что в родословной твоей первый, свинцом означенный кружок – вмещает порохом закопченную фигуру отца твоего, который потому только не носил лаптей, что босиком бегать было ему легче. Впрочем, фамилию свою можешь ты, не краснея, произносить во всех углах нашего обширного Отечества»...

Уже одно это наставление определяет ту центральную фигуру в родословной Скобелева, от которой он многое мог позаимствовать

и многому научиться. И действительно – Скобелев-дед сыграл большую роль в жизни своего внука. Он первый заронил в душу мальчика идею долга перед Родиной, зажег в нем любовь к солдату, научил Скобелева говорить языком, близким и понятным солдату. Сопоставляя приказы Скобелева, отданные им под Плевной, в Фергане и по 4-му армейскому корпусу, с приказами и литературными трудами Скобелева-деда, становится ясно, кто был образцом для Михаила Дмитриевича, и чье влияние захватило его.

Скобелев-отец, человек ДОВОЛЬНО СУРОВЫЙ,

скупой и старых взглядов, имел меньшее влияние на своего сына. Георгиевские кресты как деда, так и отца с детских лет служили путеводной звездой для Скобелева-ребенка и определили его карьеру. Дед, Иван Никитич Скобелев, заработал свои два Георгиевских креста при взятии Парижа и Варшавы. 25 июня 1807 года, в сражении под Фридландом, он был ранен пулею навылет в правую ногу. 20 августа 1808 года, при завоевании Финляндии, ему оторвало два пальца правой руки и контузило грудь. 18 марта 1814 года под Парижем он был ранен в левую руку, а 14 апреля 1831 года в сражении с польскими

мятежниками Ивану Никитичу ядром оторвало кисть левой руки. Образ израненного героя-деда не мог не захватить впечатлительного мальчика. Отец, Дмитрий Скобелев, ездил за своими двумя Георгиями на Кавказ, а затем в Турцию.

Родился Скобелев в семье, занимавшей исключительное положение как по своим родственным связям, так и по материальному обеспечению. Его отец владел 40 000 десятин земли. До шестилетнего возраста Михаил Дмитриевич был баловнем своего деда, умершего в 1849 году. Нанятый отцом гувернер-немец Каница был выбран очень неудачно. Крайне жестокий, он часто бил мальчика за дурно выученный урок и за малейшую шалость. Нервный, впечатлительный, подвижный, независимый по натуре и вспыльчивый до крайности, Скобелев не мог примириться с подобной системой воспитания. Нелепая вражда воспитанника с гувернером лишь озлобляла первого и должна была найти себе исход. Однажды двенадцатилетнего Скобелева в присутствии девочки – его ровесницы, которой он увлекался, гувернер ударил по лицу. Мальчик не выдержал, возвратил немцу пощечину и плонул в него. Этот эпизод повлиял на дальнейшую судьбу Михаила Дмитриевича. Отец понял, что жестокий гувернер не справится с его сыном, и отправил мальчика в Париж, в пансион француза Дезидерия Жирарде.



С.-Петербургъ.
St. Pétersbourg.

Императорскій Университетъ.
L'Université Impériale.



Фотограф В. Булла.
Императорская Николаевская академия. Санкт-Петербург.

В лице Жиарде Скобелев нашел опытного, образованного педагога и честного, искренне к нему привязавшегося человека. Жиарде имел на Михаила Дмитриевича большое нравственное влияние и, по словам Скобелева, воспитал в нем религию долга. После окончания пребывания Михаила Дмитриевича в Париже Жиарде, по настоянию матери Скобелева, закрыл пансион и последовал за своим воспитанником в Россию.

В 1861 году Скобелев ПОСТУПИЛ

на математический факультет Петербургского университета. Но влеченье молодого человека уже определилось – его манила к себе военная служба с ее боевыми подвигами. Облики героя-деда, беседы о походах на Кавказе, в Венгрии, в Крыму отца со старыми боевыми товарищами давно определили жизненный путь Михаила Дмитриевича. Он пользуется первым случаем – беспорядками, возникшими в университете, – бросает его и в ноябре того же 1861 года поступает вольно-определяющимся в Кавалергардский полк.

Скобелев, как и другой великий русский полководец – Суворов, сам кует свою судьбу вопреки слагающейся обстановке. Жизнь обоих направлялась по чужому им руслу, но при-

звание к военной службе со всеми ее невзгодами, трудами, капризным счастьем, заманчивой увлекательностью риска и величавой идеей – «душу свою положить за други своя» – взяло верх и помогло преодолеть все препятствия.

Огромное счастье для каждого – найти дело по душе, почувствовать свое истинное призвание, работать в области, захватившей все помыслы, всю энергию. Это счастье стало доступно Скобелеву с того момента, как университетская скамья сменилась конем, а математические книги – военно-историческими сочинениями.

31 марта 1863 года М. Д. Скобелев был произведен в корнеты в тот же Кавалергардский полк. Перед молодым человеком с большими связями, больше чем вполне обеспеченным, открывалась блестящая, видная карьера... но не этого жаждал Михаил Дмитриевич: мирная, хотя бы и блестящая карьера, не прельщала его. Мятежный дух требовал иной деятельности, и таковая деятельность скоро представилась.

В это время Польша была охвачена пламнем восстания. Находясь в отпуске для свидания с отцом, служившим тогда в Польше, Михаил Дмитриевич случайно встретился в Августовской губернии с Лейб-гвардии Преображенским полком, преследовавшим одну из банд. Этого обстоятельства было достаточно, чтобы вместо отдыха у отца Скобелев провел весь свой отпуск в качестве волонтера при

Преображенском полку в погоне за бандой.

Пробыв год в Кавалергардском полку, Скобелев выхлопотал перевод в Лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, чтобы в его рядах принять участие в подавлении Польского восстания. 7 апреля 1864 года Михаил Дмитриевич получил боевое крещение в стычках с бандой поляков Шемиота в Радковицком лесу, за что получил первую боевую награду – орден Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость».

С окончанием военных действий служба Скобелева в Гродненском полку протекает несколько своеобразно; и здесь в мирной обстановке оказывается его порывистая, жаждущая знаний и сильных ощущений натура. Он то переплывает во время ледохода Вислу, рискуя жизнью, то прыгает со второго этажа своей квартиры вниз в парк, то запирается на целые дни у себя в комнате и с циркулем и карандашом в руке изучает военную историю.

В 1864 году снова пороховой дым и боевая обстановка притягивают Михаила Дмитриевича. Опоздав к войне датчан с пруссаками, Скобелев все же берет заграничный отпуск и на месте изучает театр войны. Уже с этих пор у него складывается убеждение, что только на войне можно вполне изучить военное дело. Одной теоретической подготовки мало – нужна практика, привычка к опасности и ответственности командовать под огнем.

Осенью 1866 года Скобелев был принят

в Николаевскую академию Генерального штаба. Во время пребывания его в академии о нем сложились разные мнения – товарищи ценили в нем выдающегося человека, начальство считало способным, но ленивым. Подобная оценка являлась вполне естественной. Как и большинство даровитых людей, он не мог подходить под общую мерку. Заниматься одинаково внимательно всем, что требовалось академической программой, он не мог. Но зато, зачастую собрав вокруг себя сотоварищей по академии, Скобелев читал им какую-нибудь им составленную записку, касавшуюся походов Наполеона или каких-либо эпизодов из русской военной истории. Подобное чтение всегда увлекало слушателей, вызывая оживленные споры и рассуждения.

Благодаря знанию европейских языков и любви к чтению, Скобелев знал все, что так или иначе касалось военного дела. Его любовь к военной истории доходила до такой степени, что даже под Плевной, занятый и день и ночь, он находил время для чтения присыпаемых ему из Петербурга новинок в этой области. «Всех офицеров прошу побольше читать, что до нашего дела относится», – пишет Скобелев



Арка Главного Штаба.

в одном из приказов по войскам Ферганской области. Требуя впоследствии этого от своих подчиненных, Михаил Дмитриевич сам служил ярким примером для них. Скобелев мало того, что читал – он умел читать, выбирая из книг все полезное и поучительное, делая заметки и заставляя окружающих его офицеров комментировать вместе с ним прочитанное.

В ноябре 1868 года штабс-ротмистр Скобелев был причислен к Генеральному штабу с назначением в штаб Туркестанского военного округа. Решение служить на нашей окраине в Средней Азии как нельзя больше согласовалось со взглядами Скобелева на военное дело и с его вечно жаждущей острый, новых ощущений натурой. Только здесь он мог пройти на практике боевую школу, только тут мог быть удовлетворен его мятежный дух.

Туркестану принадлежит длиннейший период

деятельности Михаила Дмитриевича. Здесь начал из него вырабатываться будущий герой Ловчи и Зеленых гор; здесь, в роли начальника маленьких отрядов, он проявил личную храбрость, научился понимать солдата и понял его психологию; здесь он выказал себя не

только выдающимся военным, но и искусным администратором в качестве военного губернатора и командующего войсками Ферганы. Здесь, наконец, в Ахалтекинскую экспедицию 1880–1881 годов Скобелев проявил себя полководцем в полном смысле этого слова. Служба Скобелева в Туркестане может быть разделена на четыре периода.

В первый период он, причисленный к Генеральному штабу, командует 9-й Сибирской казачьей сотней и на деле показывает, что можно потребовать от нашего казака, если начальник сумеет внушить ему безграничное доверие и уважение к себе. За короткое время командования сотня уже слушалась малейшего движения его рук, смотрела ему в глаза. Личный показ и пример – вот главное чудодейственное средство заставить подчиненного совершил любой подвиг. Это средство применял Скобелев и в чине штабс-ротмистра, переплывая со своей сотней в 1870 году несколько раз Сырдарью, и впоследствии, генералом от инфanterии на предсмертном маневре 4-го корпуса в июне 1882 года. Вместе с тем у Скобелева крепнет уверенность, что от солдата можно потребовать почти невозможного, надо только уметь требовать, и эта уверенность создаст новых чудо-богатырей под Ловчей, Плевной, Шейновым и Геок-Тепе.

С июля 1871 года Скобелев находился в 11-месячном отпуске. В апреле 1872 года



В. Верещагин
У крепостной стены. «Пусти войдут!» 1871г.

он был прикомандирован к Главному штабу, а в июле того же года назначен старшим адъютантом штаба 22-й пехотной дивизии в Новгороде с переводом в Генеральный штаб капитаном. Скучная, однообразная жизнь в Новгороде не могла удовлетворить Михаила Дмитриевича. 30 августа 1872 года, произведенный в подполковники с переводом в штаб Московского военного округа, он, не прибывая к новому месту службы, прикомандировался к 74-му пехотному Ставропольскому полку для отбытия ценза батальонного командира и отправился на Кавказ.

Волнующаяся Польша, покоряемый Туркестан и только что замиренный Кавказ – вот те окраины и та военная школа, школа практики, которую проходит Скобелев. Он рвется из шумного Петербурга, скучает в Новгороде, проводит отпуска то в погоне за бандой поляков, то изучая поля сражений датчан и пруссаков. Лихой корнет, спортсмен, если хотите – гусар-кутила, проявляет личную храбрость в борьбе с повстанцами в Польше. Та же личная храбрость в небольших экспедициях в Туркестане, умение увлечь своих подчиненных, внушить им, что и невозможное бывает возможным, характеризует первый период службы Скобелева в Туркестане. На Кавказе Михаил Дмитриевич попадает в муштру известного полкового командира из пруссаков – полковника фон Шака и с любовью изучает

приемы строевой и стрелковой подготовки солдата. Но, мало того, Скобелев здесь на опыте познает дух армейского товарищества и боевую закваску полка, выработавшуюся в непрерывной борьбе и постоянных лишениях.

Второй период службы Скобелева в Туркестане связан с экспедицией против Хивы в 1873 году. Скобелев приложил все усилия, чтобы попасть в эту экспедицию. Вначале Михаил Дмитриевич был назначен состоять при отряде полковника Ломакина, двигавшегося к Хиве с севера через пустыню Устюрг.

Вот как сам Скобелев рассказывал

впоследствии о Хивинском походе: «В апреле началось движение войск эшелонами. Сначала я находился при одной из колонн и исполнял разные поручения. У колодцев Баш-Акта мне поручено было командование отдельной небольшой колонной. Подвигались вперед мы медленно, испытывая страшные лишения: жара доходила до 45°, духота и сухость воздуха были невыносимы; кругом, куда ни бросить взор, безжизненная пустыня, бесконечные пески, пески. Вода в колодцах была большую часть скверная, солоноватая; колодцы глубоки, иногда до 30 саженей, и доставать воду при таких условиях было очень трудно,



Н. Каразин
Хивинский поход

и эта операция производилась крайне медленно. Иногда воды недоставало не только для лошадей, верблюдов, овец, которые сопровождали отряд, но даже для людей. Наконец мы поднялись на Устюрт. Сухость воздуха и духота еще более увеличивались, было несколько песчаных ураганов... Словом, мы вступили в царство настоящей пустыни... Вообще, весь этот поход – это непрерывная борьба с природой. О неприятеле ни слуху ни духу! Пищу люди получали более скромную, горячую почти не ели вследствие недостатка топлива.

Двигались утром и вечером, днем же отдыхали или, вернее, мучились, пеклись на солнцепеке, так как палаток у нас не было (брали только самое необходимое). Бывали случаи, когда люди окончательно падали духом, отставали во время похода, и приходилось прибегать даже к крутым мерам, чтобы их поддержать. Раз я одну роту провел под барабан и на плечо верст шесть, чтобы поднять в них энергию. Особенно тяжелые сцены приходилось наблюдать у колодцев при раздаче воды: люди превращались тогда чуть не в зверей, и только благодаря офицерам порядок устанавливался.

При дальнейшем движении отряда к городу Кяту я получил другое назначение – командовать авангардом. Двигаясь во главе Оренбургского и Кавказского отрядов, я с казаками по пятам преследовал отступавшие к своей столице неприятельские полчища. Хивинский

авангард старался портить дорогу, разрушал и жег мосты через арыки, вообще всеми силами затруднял наше движение. Мне приходилось несколько раз буквально наскакивать на них и мешать им жечь мосты, портить дорогу... С поднятыми шашками бросались мои казаки на хивинцев, и последние, бросая работу, спешно отстреливались, садились на коней и улепетывали во всю прыть. Некоторые поломки мы быстро чинили (один мост, помню, впрочем, исправляли целую ночь), и отряд беспрепятственно подвигался вперед. 25 мая я с авангардом подошел к городу Кот-Купырь, который находится верстах в 30 от Хивы. Заметив, что несколько человек хивинцев зажигают мост с целью не допустить, чтобы мы вошли в город, я с казаками карьером понесся к мосту. Хивинцы бежали к садам и оттуда открыли огонь. Вслед за тем мы подошли почти к самой Хиве и остановились у городских стен верстах в 5–6».

29 мая

Хива пала.

Поход этот принес Скобелеву громадную пользу, послужив подготовкой для будущих операций в пустынях Средней Азии. В начале августа того же года Скобелев произвел крайне рискованную разведку, которая должна была выяснить – мог ли один из отрядов (полковни-



ка Маркозова), двигавшийся от Чикишляра на Хиву и повернувший в конце концов обратно, дойти до последней, если бы продолжал свой путь, или же ему было суждено погибнуть. В сопровождении трех туркмен, оренбургского казака и своего бывшего крепостного форейтора, переодевшись туркменом, совершил Скобелев эту рискованную разведку по пустыне, от колодцев к колодцам, подвергаясь на каждом шагу опасности быть узнанным значительно превосходящим противником. На третий день пути, совершив переход в 34 версты и едва напоив лошадей, небольшой отряд заметил приближающуюся к их колодцам партию человека в 30 иомудов. Туркмены-проводники немедленно уложили Михаила Дмитриевича на землю, накрыли его кошмами, категорически потребовав не подавать никаких признаков жизни, пока иомуды не уедут в степь. Пять часов кряду пролежал Скобелев под кошмами под видом больного лихорадкой караван-бashi, поджиная, пока отдохнут и уедут иомуды.

В конце концов, после еще и других не менее рискованных положений, рекогносировка была благополучно окончена и выяснила, что полковник Маркозов поступил вполне правильно, повернув обратно к Каспийскому морю. Его дальнейшее движение на Хиву привело бы к гибели отряда от безводья и зноя. Созванная близ Хивы кавалерская дума приговором большинства признала Скобелева

достойным за произведенную разведку ордена Святого Георгия 4-й степени. Деятельность и подвиги Скобелева в Туркестане за период Хивинской экспедиции обратили внимание на него не только России, но и Англии, зорко следившей за нашими успехами в Средней Азии. Имя Скобелева начинает делаться популярным.

Зиму 1873-1874 года

Михаил Дмитриевич

проводит в заграничном отпуске и вновь пользуется свободным временем, чтобы отдаваться любимому делу. Заинтересовавшись партизанской карлистской войной, он проbralся к Дон Карлосу и принял участие в боях против регулярной испанской армии. В апреле 1875 года Скобелев в третий раз был командирован в Туркестан. На этот раз, кроме участия в Кокандской экспедиции 1875–1876 годов, Скобелев выделился как администратор, сначала в роли начальника Наманганского уезда и затем Ферганского военного губернатора.

В результате почти 8-летняя деятельность Скобелева в Средней Азии, первоначально в ролях подчиненного, а после и самостоятельного начальника, создала Михаилу Дмитриевичу широкую известность, дала чин



Эпизод из Русско-турецкой войны 1877-1878 годов.
А. Кившенко

генерал-майора, зачисление в Свиту Его Величества, золотую шпагу с бриллиантами и надписью «За храбрость», Владимира 3-й степени с мечами и, наконец, ордена Святого Георгия 4-й и 3-й степеней. Но кроме всех этих наград Скобелев заработал в горах и пустынях Туркестана еще больше – его служба здесь была той школой, которая создала его известность в Турецкую войну и помогла блестяще сдать экзамен во время Ахалтекинской экспедиции. К видной карьере выдающегося офицера Генерального штаба присоединились деяния, поднявшие Скобелева на высоту военной славы.

К началу войны 1877–1878 годов облик Скобелева окончательно определился – из пылкого юноши вылился порывистый, полный энергии, но понимающий огромную нравственную ответственность военачальник.

Вот как Скобелева в 1878 году описывает один из иностранцев:

«Солдаты, горожане, женщины –

все были от него без ума. Я как теперь вижу его прекрасный лоб, украшенный каштановыми волосами, его голубые глаза, светлые, с проницательным взором, столь открыто и прямо смотревшие на вас, его прямой и длинный нос, указывающий на решимость, один из тех но-

сов, которые Наполеон I любил видеть на лице своих генералов, прекрасно очерченный рот, одаренный необыкновенной подвижностью и выразительностью; его круглый могучий подбородок с ямочкой посередине, – словом, отчетливо вижу перед собой его мужественное, энергичное лицо, окаймленное шелковистою бородой, падавшей на его богатырскую грудь... Этот человек в 33 года все видел, все проделал, все прочел. Он делал разведки до самых степей Памира, вокруг озера Виктории и до Гиндукуша. Он знал на память Бальзака, Шеридана, Герберта Спенсера... Он имел свое мнение о фаворите на будущих скачках, о кухне “Cafe Anglais” и репертуаре госпожи Селины Шомон, точно так же, как об английской кавалерии и о бородах Оксуса».

Совершенно невозможно в настоящем кратком очерке охватить деятельность Скобелева в Русско-турецкую войну. Слишком обильна отдельными боевыми эпизодами и богата результатами была эта кипучая работа человека, доказавшего России и всему миру, что заработанные им до сих пор награды и известность достались ему по праву и по достоинству. Еще находясь в Ферганской области, Михаил Дмитриевич с волнением следил за ходом турецко-сербской войны. С объявлением войны он покинул свой пост в Фергане и выхлопотал разрешение прибыть в действующую армию.

Недружелюбно встретила новая среда мо-



Лейб-гвардии Гусарский полк приветствует Лейб-гвардии Егерский полк после боя под Темичем. 12 октября 1877 года. Н. Бунин

лодого генерала, кавалера двух Георгиев. Нашлись завистники, распространявшие слухи, что Скобелев еще должен заработать свои отличия, полученные в боях с «халатниками». Зависть и недоброжелательство породили несколько недоверчивое и осторожное отношение к Скобелеву со стороны старших начальников. Потребовалось время и неоспоримые доказательства превосходства Скобелева над окружающими, чтобы добиться того положения в армии, которое он и по чину и по праву должен был занимать.

Первое назначение, полученное Михаилом Дмитриевичем, было более чем скромное – ему предоставили занять штаб-офицерскую должность начальника штаба Кавказской казачьей дивизии, которой командовал его отец. После разделения этой дивизии на части Скобелев-сын остался не у дел. Ему не нашлось в армии места, и он сам должен был отыскивать себе дело, не гнушаясь самыми скромными ролями. Во время переправы у Зимницы Скобелев назначил себя ординарцем-охотником при генерале Драгомирове. Но и эту ничтожную роль Скобелев провел по-своему. Стоит только вспомнить, как он сам вызвался, ввиду отсутствия ординарцев, передать войскам распоряжение Драгомирова. Спокойно, медленно, под сильным огнем турок он обходил длинные ряды стрелков, разговаривая с ними и передавая им приказание. Здесь Скобелев выказал

себя и глубоким знатоком солдата...

Как Суворов умел делать из своих солдат «чудо-богатырей», внушая им, что они чудо-богатыри, так и каждый солдат в отряде Скобелева переставал быть «серенькой скотинкой», а совершил чудеса, поражая всех и своею выносливостью, и находчивостью, и исключительным мужеством. Он «скобелевец», в него верил любимый вождь, и эта вера не могла не совершить чудес: русский мужик делался воином, русский солдат – героем.

После переправы через Дунай

о Скобелеве заговорили. Но только со второй половины лета Михаил Дмитриевич начал приобретать доверие Главнокомандующего, а вместе с ним и более ответственные назначения. К тяжелым дням третьей Плевны Скобелев уже делается популярным не только среди своих подчиненных и сослуживцев, но и в армии. С его именем связывается представление о победе и славе. 30 и 31 августа, полные героизма, создают ему ореол любимого вождя, кумира солдат, больше – народного героя. Увлекателен образ Скобелева в памятный день 30 августа, изображенный двумя участниками боя, совершенно различными и по своему положению, и по своим личным свойствам. Один из авторов – штатский корреспондент, худож-



В. Верещагин. Перед атакой. Под Плевной.

ник слова Немирович-Данченко. Другой – ближайший помощник Скобелева, его боевой товарищ в этом бою – А. Н. Куропаткин.

Вот страничка из «Воспоминаний о Скобелеве» Немировича-Данченко: «Происходит штурм одного из турецких редутов под Плевною 30 августа. Из-за гребня-пригорка выехал на белом коне кто-то; за ним на рысях несется несколько офицеров и два-три казака. В руках у одного голубой значок с красным восьмиконечным крестом... На белом коне оказывается Скобелев – в белом весь... красивый, веселый.

– Ай да, молодцы!.. Ай да, богатыри! Ловчинские! – кричит он издали возбужденным нервным голосом.

– Точно так, ваше-ство.

– Ну, ребята... Идите доканчивать. Там полк отбит от редута... Вы ведь не такие? А? Вы ведь у меня все на подбор... Ишь, красавцы какие... Ты откуда, этакий молодчинице?

– Вытебской губернии, ваше-ство.

– Да от тебя одного разбегутся турки...

– Точно так, ваше-ство, – разбегутся.

– Ты у меня смотри... чтобы послезавтра я тебя без Георгия не видел... Слышишь? Вы только глядите – не стрелять без толку... Слышиште?

– Слышиш, ваше-ство.

– А ты, кавалер, не из севастопольцев? – обернулся он к Парfenovу. – За что у тебя Георгий?

– За Малахов, ваше-ство...

– Низко кланяюсь тебе! – И генерал снял шапку. – Покажи молодым, как дерется и умирает русский солдат. Капитан, после боя представьте мне старика. Я тебе именного Георгия дам, если жив будешь...

А. Н. Куропаткин в своей книге «Ловча и Плевна» дает следующую полную красок и захватывающего интереса картинку боя того же 30 августа: «Успех боя окончательно заколебался. Тогда генерал Скобелев решил бросить на весы военного счастья единственный оставшийся в его распоряжении резерв – самого себя. Неподвижно, не спуская глаз с редутов, стоял он верхом, спустившись с третьего гребня наполовину ската до ручья, окруженный штабом, с конвоем и значком. Скрывая волнение, генерал Скобелев старался бесстрастно-спокойно глядеть, как полк за полком исчезали в пекле боя. Град пуль уносил все новые и новые жертвы из конвоя, но ни на секунду не рассеивал его внимания. Всякая мысль лично о себе была далеко в эту минуту. Одна крупная забота об успехе порученного ему боя всецело поглощала его. Если генерал Скобелев не бросился ранее с передовыми войсками, как то подсказывала ему горячая кровь, то только потому, что он смотрел на себя, как на резерв, которым заранее решил пожертвовать без оглядки, как только наступит, по его мнению, решительная минута.

Минута эта

настало.

Генерал Скобелев пожертвовал собою и только чудом вышел живым из боя, в который беззаветно окунулся. Дав шпоры коню, генерал Скобелев быстро доскакал до оврага, опустился или, вернее, скатился к ручью и начал подниматься на противоположный скат к редуту № 1. Появление генерала было замечено даже в те минуты, настолько Скобелев был уже популярен между войсками. Отступившие возвращались, лежавшие вставали и шли за ним на смерть. Его громкое – «Вперед, ребята!» – придавало новые силы. Турки, занимавшие ложементы перед редутом № 1, не выдержали, оставили их и бегом отступили в редуты и траншею между ними.

Вид отступавших от ложементов турок одушевил еще более наших. «Ура», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линии. Скользя, падая, вновь поднимаясь, теряя сотни убитыми и ранеными, запыхавшиеся, охрипшие от крика, наши войска за Скобелевым все лезли и лезли вперед. Двигались не стройными, но дружными кучками различных частей и одиночными людьми. Огонь турок точно ослабел или действие его, захватившей всех решимостью дойти до турок и все возраставшую уверенностью в успехе, стало менее заметным. Казалось, в рядах турок замечалось колебание.



В. Верещагин.
Угол турецкого редута, взятого М.Д. Скобелевым 30 августа, но снова покинутого 31-го. Этюд. 1877г.

Еще несколько тяжелых мгновений – и наши передовые ворвались с остервенением в траншею и, затем, с 4 часов 25 минут пополудни, в редут № 1.

Генерал Скобелев, добравшись до редута, скатился с лошадью в ров, высвободился из-под нее и из числа первых ворвался в редут. Внутри и около редута завязалась короткая рукопашная схватка. Упорнейшие турки были перебиты, остальные отступили назад к своему лагерю, лежавшему в 300 саженях к северу от линии редутов. Другие отступили к редуту № 2.

Интересен следующий эпизод: схватка еще не всюду была кончена, как офицеры и солдаты, шедшие на редут за Скобелевым, как за знаменем, окружили его и умоляли идти назад, умоляя поберечь себя. Тяжелораненый майор Либавского полка тащил его за ногу из седла. Лошадь, на которую Скобелев сел, была повернута и выведена из редута. В эти минуты каждый от сердца готов был прикрыть свою грудью начальника, раз уверовал в него и видел его личный пример, личное презрение к смерти...

Много подобных воспоминаний дает богатая литература о «белом генерале». Много в этих рассказах очевидцев разбросано отдельных эпизодов, рисующих и кипучую деятельность Михаила Дмитриевича, и его безумную порой отвагу, и его теплое душевное чувство



А. Гебенс. Солдаты Владимирского пехотного полка на аванпостах в Балканских горах в 1877 году



В. Верещагин
Шипка-Шейново (Скобелев под Шипкой). 1883-1888 г.

к солдатам и подчиненным. Заботливость Скобелева была исключительная. Его дивизия всегда была одета, обута и сыта при самой невозможной обстановке...

Но заботы Скобелева о солдате

шли дальше вопросов его продовольствия – 13 октября 1877 года он пишет следующий собственноручный приказ по 16-й пехотной дивизии: «Лагерь наш слишком скучный. Желательно было бы, чтобы чаще горели костры, пели бы песни; назначать по очереди перед вечернею зорею в центре позиции играть хору музыки. Разрешается петь и поздно вечером. Во всех ротах обратить серьезное внимание на образование хороших песельников; поход без песельников – грусть, тоска». И музыка у Скобелева была всюду и всегда – под музыку шли в бой, музыка заглушала предсмертные стоны, музыка торжествовала победу, музыка, наконец, завораживала диких текинцев, когда под стенами Геок-Тепе раздавались торжественные звуки вечерней зори и молитвы.

Но наряду с заботливостью о солдате шло строгое взыскание за нерадение и невнимательное отношение к службе, особенно в бою. Вступая в командование войсками, действующими в Закаспийской области, Скобелев писал в приказе: «...Считаю священным долгом

напомнить доблестным войскам, ныне мне вверенным, что основанием боевой годности войска служит строгая служебная исполнительность, дисциплина. Дисциплина, в полном значении этого слова, быть там не может, где начальники позволяют себе относиться к полученным им приказаниям небрежно. Это должно отзываться на отношениях нижних чинов к долгу службы. Строгий порядок в лагере, на бивуаках, строгое исполнение всех, даже мелочного требований службы, служит лучшим ручательством боевой годности части»...

Говоря об отношении Михаила Дмитриевича с солдатами, нельзя не отметить, с какой настойчивостью развивал он в них чувство собственного достоинства. Раз как-то на глазах у Скобелева один из командиров ударил солдата.

– Я бы вас просил этого в моем отряде не делать... Теперь я ограничусь строгим выговором – в другой раз должен буду принять иные меры.

В ответ на оправдание командира, сославшегося на дисциплину, на глупость солдата, на необходимость зуботычины, Скобелев заметил: «Дисциплина должна быть железной. В этом нет никакого сомнения, но достигается это нравственным авторитетом, а не бойней... Солдат должен гордиться тем, что он защищает свою Родину, а вы этого защитника как лакея бьете... Гадко...»

Своей принадлежностью к отряду Скобелева солдаты гордились в высшей степени. «Мы – скобелевские», – отвечали они на вопрос, какой они части или дивизии. И в этих двух словах звучал особенный смысл и гордость, в них звучали нотки уверенности в будущие победы, в грядущую славу. События после Плевны лишь еще больше, если это было возможно, подняли восхищение Скобелевым и в армии и в народе. Переход через Балканы, Шейново с плениением армии Весель-паши, командование авангардом армии и даже стоянка под стенами Константинополя, куда всем своим существом рвался Скобелев, полны почти легендарных рассказов о нем. Здесь действительные подвиги перемешались с анекдотами и воспоминаниями, часто полными наивной прелести и народной веры в созданного им кумира. Молва народная далеко разнесла его славу, и чувство восторгов Руси было у ног «белого генерала»...

С окончанием войны в числе русских войск, оставленных для оккупации Болгарии, был и 4-й армейский корпус, которым командовал Скобелев. В этот период его политические верования окончательно приобрели славяно-фильское направление. Население Болгарии боготворило Скобелева, а он, верный своей натуре, работал над созданием здесь кадра людей, способных отстоять свою независимость и разделаться с турками без помощи русских

войск. «Если нужно, отдайте жен, детей, имение, но берегите ваши ружья», – вот завет, оставленный Скобелевым братушкам. И труды Скобелева оказались очень скоро – видевшие маневры его ратников-поселенцев помнят стройные ряды дружеств, их пестрые колонны, проходившие под звуки народного гимна «Шумит Марица окровавленная» с припевом – «Марш, марш, Скобелев наш», и казалось всем, что последний припев звучал пророчески – «марш, марш, Царьград будет наш».

Из Болгарии Скобелев с 4-м корпусом вернулся в Россию и все внимание обратил на обучение своих войск. В 1880 году на Среднеазиатскую окраину надвинулась новая гроза. Ряд постигших нас неудач в борьбе с текинцами требовал решительных мер, искусственной подготовки всей операции и постановки во главе экспедиционного отряда опытного, талантливого и энергичного человека. Таковым мог быть в то время только один Скобелев, ему и было вверено покорение Ахалтекинского оазиса.

В первых числах

Мая 1880 года

Михаил Дмитриевич прибыл в Чикишляр и сразу отдался кипучей деятельности по подготовке средств для продвижения отряда в глубь оазиса к единственной крепости текинцев Геок-Тепе. Пока собиралось продовольствие, стягивались войска и налаживался тыл, Ско-

и вспомнил разрушение партии пушек
на Ахал-Теке. Всё выше силою умира-
ющей прощается всякая чепчина.
Уже возвращающее наше и занятое пре-
дия, мэста Ахалада до Геок-Тепе; на
прогид мэста также возвращается. Тако
что прибыл в Баку для многих перегово-
ров в Генерал-Лейтенантом Павловым
счастно на синах Вашингтонской
Высочайшем повелению.

Генерал-Лейтенант Скобелев.

белев с отрядом в 800 человек при 10 орудиях произвел рекогносцировку, продвинувшись из Бами на 112 верст, к Геок-Тепе. По сведениям текинцев, в Геок-Тепе было собрано до 25 000, способных носить оружие. Понятно, что успех подобной рекогносцировки, где горсть русских смело шла к цели всей операции, цели, до сих пор недоступной, должен был произвести неотразимое впечатление и на врага-азиата, да и на весь отряд Скобелева.

Только талант Скобелева и его глубокое знание свойств противника помогли закончить эту рекогносцировку с полным успехом. Впечатление получилось огромное. 25 000 текинцев не смогли раздавить горсти людей, отважно проникших к стенам их крепости. Уныние водворилось в Геок-Тепе – будущее поражение текинцев уже предчувствовалось.

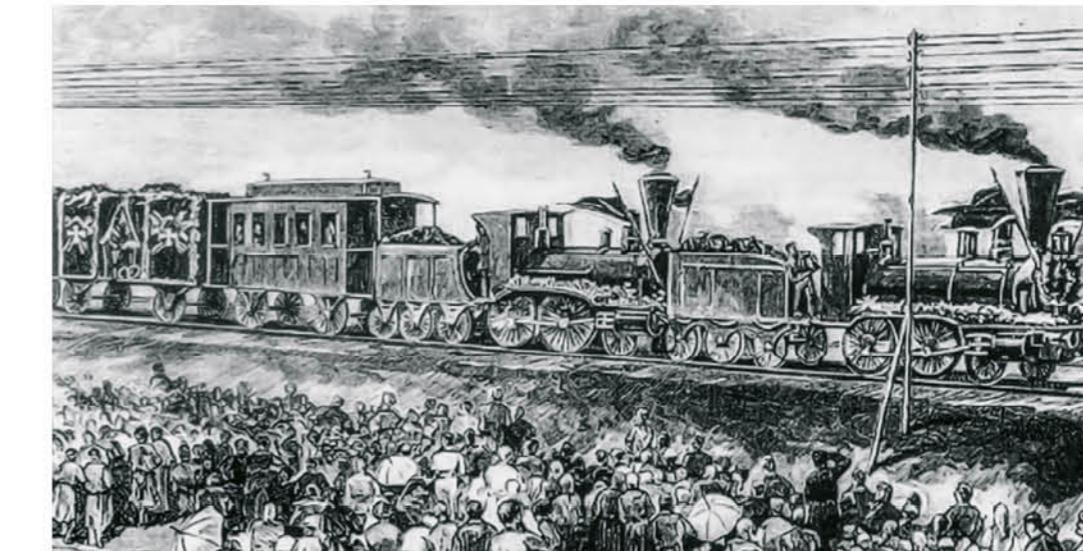
Говоря о личной храбрости Скобелева,

следует вспомнить слова художника В. В. Верещагина о Михаиле Дмитриевиче: «Кто не был в огне со Скобелевым, тот положительно не может себе понятия составить о его спокойствии и хладнокровии среди пуль и гранат, – хладнокровии тем более замечательном, что, как он сознавался мне, равнодушия к смерти у него не было. Напротив, он всегда, в каждом деле, боялся, что его прихлопнут, и, следовательно, ежеминутно ждал смерти. Какова же должна была быть сила воли, какое беспрестанное напряжение нервов, чтобы побороть страх и не выказать его. Благоразумные

люди ставили в упрек Скобелеву его безоглядную храбрость. Они говорили, что “он ведет себя, как мальчишка”, что он рвется вперед, как прапорщик, и что, наконец, рискуя “без нужды”, он подвергает солдат опасности оставаться без высшего командования и т. д. Надобно сказать, что это все речи людей, которые заботятся прежде всего о сбережении своей драгоценной жизни – а там что Бог даст. Пойдет солдат без начальства вперед – хорошо, не пойдет – что тут поделаешь: не для того же дослужился человек до генеральских эполет, чтобы жертвовать жизнью за трусов».

12 января 1881 года крепость Геок-Тепе пала. Покорение оазиса по плану, предложеному Скобелеву, было намечено в течение двух лет. Скобелев окончил всю операцию в девять месяцев. Россия получила целую страну, имя русского стало символом могущества и силы для всей Азии. За покорение Ахал-Теке Скобелев был произведен в генералы от инfanterии и получил орден Святого Георгия 2-й степени. Одна эта операция дает право Скобелеву стать в ряду наиболее выдающихся полководцев мира. В ней Скобелев доказал, что из него вполне сформировался военачальник, способный стать во главе армии и дать ей победу. И весь славянский мир так и смотрел на Скобелева. Он был тот вождь, который должен был повести русские полки, а с ними и единокровных славян на врага и добиться победы, как бы ни был могуществен этот враг.

Последние месяцы жизни Скобелева полны его работой в 4-м корпусе. Оставшиеся после него приказы по корпусу и поныне должны



Траурный поезд в пути из Москвы на станцию Ранненберг

служить настольной книгой для всякого военного. Сама жизнь бьет со страниц этих казенных документов и увлекает читателя свою простотой, ясностью и глубоким смыслом. В последние же годы жизни Михаил Дмитриевич выдвигается и как государственный человек, и как политик. Славянофильство Скобелева сказалось в полной мере. Его речь 12 января 1882 года, в годовщину взятия Геок-Тепе, вызвала много шума и в наших, и в иностранных газетах. Закончил свою речь Скобелев следующей фразой: «Господа, в то самое время, когда мы здесь радостно собрались, там, на берегах Адриатического моря, наших единоплеменников, отстаивающих свою веру и народность, именуют разбойниками и поступают с ними, как с таковыми! Там, в родной нам славянской земле, немецко-мадьярские винтовки направлены в единоверные нам груди... Я не договариваю, господа... Сердце болезненно щемится. Но великим утешением для нас – вера и сила исторического призвания России». Еще больше шума подняла речь Скобелева, сказанная им в Париже в 1882 году в ответ на приветственный адрес, поднесенный Михаилу Дмитриевичу студентами-славянами.

Все эти речи взбудоражили наших дипломатов и, притянув всеобщее внимание к Скобелеву, чуть не стоили ему очень дорого. Скобелев был вызван в Петербург, недоброжелатели его уже считали, что звезда Скобелева готова закатиться, но милостивая аудиенция императора заставила умолкнуть бесконечные разговоры.

Час пробил, но иной – закатилась не звезда славы Михаила Дмитриевича и его успехов,

а приближался час окончания всех счетов земного поприща. Много надежд было связано с именем Скобелева, много пылких мечтаний могло осуществиться его талантом, его нечеловеческой энергией, и все эти мечты и надежды рухнули вместе с неожиданной смертью «бело-го генерала».

24 июня

1882 ГОДА

Михаил Дмитриевич приехал в Москву, воспользовавшись месячным отпуском после маневров. В течение дня Скобелев был весел, шутил, много толковал с офицерами на военные темы. В 11 часов вечера он уехал от известного славянофила И. С. Аксакова, а в час ночи, в гостинице «Англия», ему сделалось дурно. Позванная медицинская помощь оказалась запоздалой, через полтора часа приблизительно его не стало.

Не выдержало сердце, всю жизнь усиленно бившееся, не выдержал и железный организм, с юности брошенный в водоворот событий, полных риска, опасностей, гениальных подвигов, громадных удач и еще большей зависти. Не стало Скобелева, а вместе с ним и того человека, в руки которого можно было вверить силу народа – армию и ее грядущие успехи. Смерть Скобелева вызвала общее народное горе. Толпы окружали прах героя в Москве, те же толпы провожали и встречали траурный поезд на всем пути от Москвы до родового имени Скобелевых – Спасского.

Из брошюры Сергея Маркова
«Памяти М.Д. Скобелева»



Спасо-Преображенский храм в селе Заборово

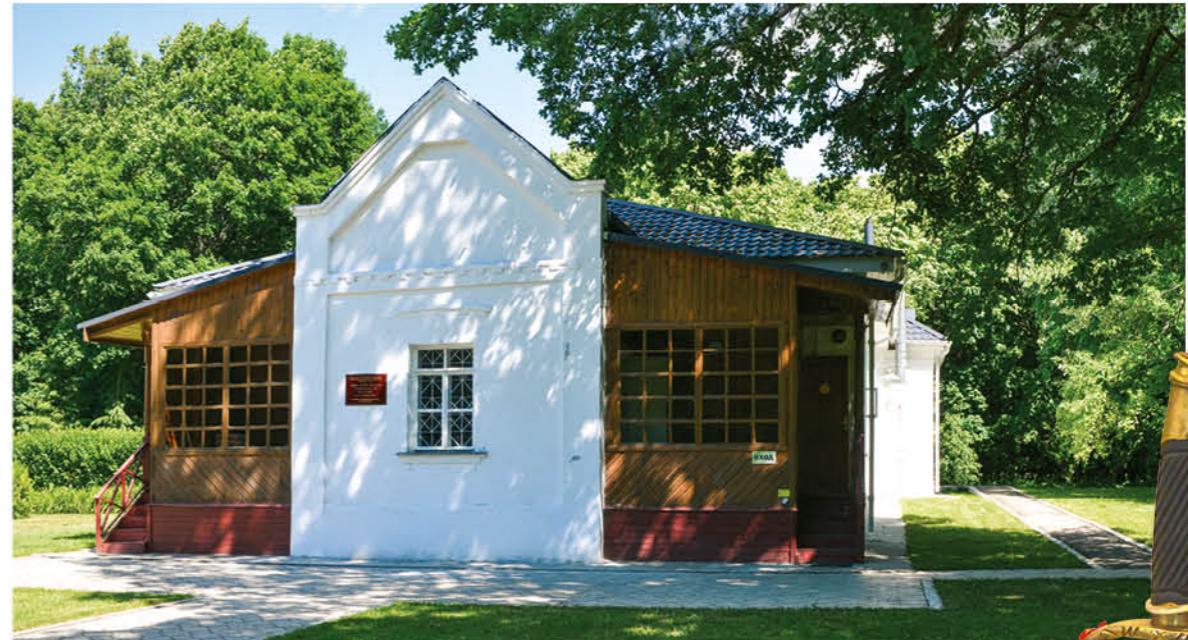
На рязанской земле.

На юге Рязанской губернии в Ряжском уезде находилось родовое поместье Скобелевых. Его в 1830-х годах приобрел дед Михаила Дмитриевича Иван Скобелев. Называлось поместье – Спасское, в честь церкви, построенной прежним владельцем генералом Александром Зaborовским в 1763 году. При нем и его потомках имение и село называлось Зaborовские Гаи.

После событий февраля 1917 года имение было разграблено. Казалось бы, местные крестьяне должны были испытывать чувство уважения к памяти Скобелева. Но за 35 лет с момента его кончины многое изменилось. Поменялись и хозяева в усадьбе. Ей владела родная сестра Михаила Дмитриевича княгиня Ольга Белосельская-Белозерская. Княгиня... В барском доме сохранились вещи Михаила Дмитриевича. Мундиры полков, в которых он служил, коллекция книг преимущественно, по военной тематике. Все это и многое другое бесследно пропало. В 1922-м были изъяты ценности из Спасского храма. Не только церковная утварь, но и ценные вещи, принадлежавшие Скобелеву. В 1929 году церковь закрыли. Приделы, где находились могилы Скобелева и его родителей, разобрали на кирпич, и они

оказались в буквальном смысле под открытым небом. Уезд переименован в Александро-Невский район, затем – в Ново-Деревенский, затем – снова в Александро-Невский, село Спасское – в Заборово. Так что всякий желающий посетить места, столь дорого ценимые самим Скобелевым, и мемориальный комплекс в его честь, должен ориентироваться на адрес: Рязанская область, Александро-Невский район, с. Заборово, ул. Скобелева, д. 26.

Мемориальный комплекс появился в 2003 году, когда в Рязанской области широко отметили 160-летие со дня рождения «Белого генерала». Сегодня он включает в себя отреставрированный храм Спас-Преображения с восстановленными приделами Архистратига Михаила и Дмитрия Ростовского, в которых находятся гробницы Михаила Дмитриевича и его родителей Дмитрия Ивановича и Ольги Николаевны (урожденной Полтавцевой) соответственно, музей, открытый в здании школы, построенной по распоряжению и на деньги Скобелева для обучения деревенских детей. Между церковью и музеем установлен бронзовый бюст Скобелеву, созданный по проекту рязанского скульптора Бориса Горбунова. Примечательно, что два раза в год именно тут, у памятника генералу проводятся торжественные мероприятия «День призыва» для новобранцев со всего района. Сюда же привозят



Здание музея М.Д. Скобелева

из Рязани личный состав кадетского корпуса для принятия присяги.

Музейная экспозиция занимает два зала. Она посвящена семье Скобелевых, жизненному пути Михаила Дмитриевича истории усадьбы. Здесь экспонируются личные вещи генерала, чудом уцелевшие предметы быта из усадьбы, армейские атрибуты, оружие, документы, фотографии, картины, копии орденов, которыми был награжден Скобелев и копия личного значка генерала, под которым он ходил в бой.

В полной мере имеет отношение к мемориалу и могила последнего боевого коня генерала по кличке Геок-Тепе. Это был чистокровный ахалтекинский жеребец, похороненный в Скобелевском парке. В 2008 году на месте захоронения была установлена памятная плита. А первый памятный знак о славном прошлом Спасского-Заборово появился тут в 1990 году. Студенты Академии живописи, ваяния и зодчества установили скромный дубовый крест, на камне у подножия выбита надпись: «В память русских воинов, ветеранов Великой освободительной войны 1787–1878 годов, спящих в этой земле, поставлен и освящен сей крест 25 июля 1990 года. Имена же их ты, Господи, веси». Восстановлен малый дом барской усадьбы, в восьми комнатах которого, предполагается разместить музейную экспозицию.





Послужной список

1861

Поступил в военную службу
в Кавалергардский Ее Величества полк.

1862

Произведен в чин портупей-юнкера.

1863

Произведен в чин корнета.

1863 – 1864

Восстание в Польше.

Перевод в лейб-Гвардии Гродненский гусарский полк.

1864

Произведен в чин поручика.

1866 – 1868

Обучение в Николаевской Академии Генерального штаба.

Причислен к ГШ с направлением в штаб Туркестанского военного округа.

Произведен в чин штабс-ротмистра.

1872

Произведен в чин капитана с переводом из кавалерии в пехоту.

Старший адъютант штаба 22-й пехотной дивизии.

Произведен в чин подполковника.



1973

Хивинский поход.

1874

Произведен в чин полковника.
Флигель-адъютант.

1875 – 1877

Кокандский поход. Военный губернатор Ферганы и начальник всех войск,
дислоцированных в бывшем Кокандском ханстве. Произведен в чин
генерал-майора свиты Его Императорского Величества (1875).

1877 – 1878

Русско-турецкая война.

1877

Произведен в чин генерал-лейтенанта.

1878

Дарован чин генерал-адъютанта.

1880 – 1881

2-я Ахалтекинская экспедиция. Покорение Туркмении.
Произведен в чин генерала от инfanterии.

1881 – 1882

Командир IV армейского корпуса.

Российские награды

Российские императорские награды Михаила Дмитриевича Скобелева, равно как и награды других государств – яркое свидетельство его побед и заслуг. Военный орден св. Георгия II, III, и IV степени, ордена св. Анны I, III и IV степени, орден св. Станислава I степени, награды Пруссии, Сербии, Черногории, Румынии, герцогства Мекленбург-Шверинского. Отдельно нужно отметить уникальный факт. Скобелев был трижды награжден золотым оружием «За храбрость»: «офицерской» саблей в 1875 году, «генеральскими» шпагами с бриллиантами в 1876 и 1878 годах. Последняя золотая шпага отличалась от предыдущей тем, что на ней красовалась надпись «За переход через Балканы».



1863
орден св. Анны
IV степени с надписью
«За храбрость»

1870
орден св. Анны
III степени

1873
орден св. Георгия
IV степени



1875
золотая сабля
«За храбрость»

1875
орден св. Георгия
III степени

1876
Золотая шпага
с бриллиантами, с надписью
«За храбрость»

1876
орден св. Владимира
III степени с мечами



1877
орден св. Станислава
I степени (звезда)
с мечами

1878
Золотая шпага
с бриллиантами, с надписью
«За переход через Балканы»

1879
орден св. Анны
I степени (звезда)

1881
орден св. Георгия
II степени

Иностраные награды



1870
крест II степени
«За заслуги в войне»



1874
орден Красного орла
II степени с мечами
(Пруссия)



1878
орден «Pour le Merite»
(Пруссия)



1878
орден Таковского креста
I степени
(Сербия)



1878
золотая медаль
«За храбрость»
(Сербия)



1878
золотая медаль
«За доблесть»



1878
золотая медаль
«За военные заслуги»
(Румыния)



1878
крест «За переход
через Дунай»
(Румыния)



1879
орден Красного орла
I степени с мечами (звезда)
(Пруссия)



1881
крест I степени
«За заслуги в войне»
(герцогство Мекленбург-Шверин)





Памятник Скобелеву работы Александра Рукавишникова,
установлен в Москве у здания Академии Генерального штаба в 2014 году

Музей-усадьба «Мемориальный комплекс М.Д. Скобелева»

в селе Зaborово Рязанской области открыт в 2003 году. Комплекс расположен на месте бывшей усадьбы семьи Скобелевых. Он включает в себя восстановленную Спасо-Преображенскую церковь, в приделах которой находятся захоронения выдающегося русского военачальника Михаила Скобелева и его родителей; музей, посвященный полководцу в здании бывшей сельской школы, построенной на средства «Белого генерала» для деревенских детей; восстановленный малый дом усадьбы.

На территории комплекса в 2003 году установлен бюст Скобелеву работы рязанского скульптора Василия Горбунова. Среди примечательных мест бывшей усадьбы – могила последнего боевого коня «Белого генерала» ахалтекинского жеребца Геок Тепе, названного так в память о взятии одноименной крепости во время последней военной экспедиции Скобелева в Средней Азии.

Мемориальный комплекс находится по адресу:

Рязанская область,
Александро-Невский район,
село Зaborово,
улица Скобелева, 26.





ИМПЕРАТОРСКИЙ ТЕЛЕГРАФЪ ВЪ ЗАПАДНОЙ СЛОВАКІИ
ТЕЛЕГРАФНАЯ СЛУЖБА № 3

ИМПЕРАТОРСКОЕ
СЕДАЧЕРПАНИЕ
14 З. СЛОВЬЯ

3. СЛОВ

3. СЛОВ

ИМПЕРАТОРСКОЕ
СЕДАЧЕРПАНИЕ
14 З. СЛОВЬЯ

3. СЛОВ

3. СЛОВ

Издательство и типография «Лантана прнт» © «В-С XXI»
www.lantanaprint.ru +7 (499) 290-50-69; +7 (910) 492-55-65

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ «КОД ГВАРДИИ»
Руководитель проекта — Сергей Слипченко
Шеф-редактор и автор текста — Михаил Быков
Литературный совет — Наталья Ионова

Москва 2020 г.

ISBN 978-5-6040234-9-5

Автономное некоммерческое общество
«Общество ревнителей истории русской гвардии»
представляет серию исторических очерков

«КОД ГВАРДИИ»

*

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРАТОРСКАЯ ГВАРДИЯ
ЗНАМЁНА И ШТАНДАРТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ ГВАРДИИ
ГВАРДИЯ. ПЕТРОВСКИЙ КОД
ГВАРДИЯ. ГЕНЕРАЛЬСКИЙ КОД
ГВАРДИЯ. ОФИЦЕРСКИЙ КОД
ГВАРДИЯ. СОЛДАТСКИЙ КОД
ГВАРДИЯ. КУЛЬТУРНЫЙ КОД
ГВАРДИЯ. АРТИЛЛЕРИЙСКИЙ КОД
ГВАРДИЙ. ФЛОТСКИЙ КОД
ГВАРДИЯ. НОВГОРОДСКИЙ КОД
ГВАРДИЯ. ПСКОВСКИЙ КОД
ГВАРДИЯ. КОД МУЖЕСТВА. КУЛЬМ

*

ГВАРДИЯ. КОД ПОТЁМКИНА
ГВАРДИЯ. КОД РУМЯНЦЕВА
ГВАРДИЯ. КОД СУВОРОВА
ГВАРДИЯ. КОД МИЛОРАДОВИЧА
ГВАРДИЯ. КОД СКОБЕЛЕВА
ГВАРДИЯ. КОД ЙОДЕНИЧА

